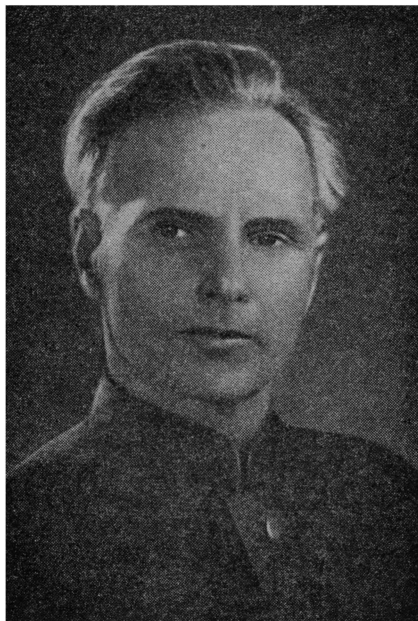

Степан ЩИПАЧЕВ

СТИХИ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 5
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА — 1946

Степан ЩИПАЧЕВ

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»

Москва — 1946

СТЕПАН ЩИПАЧЁВ

Степан Петрович Щипачёв родился 7 января 1899 г. в деревне Щипачи, Камышловского района, Свердловской области. Ему было года три, когда умер отец. Самостоятельную трудовую жизнь он начал рано, лет с восьми: батрачил, работал на асбестовых приисках. Много лет находился в рядах Красной Армии, с 1919 года по 1921 год — рядовым бойцом и курсантом Оренбургской кавалерийской школы, с 1922 по 1929 год — политработником. В партию вступил в 1919 году.

Писать стихи С. П. Щипачёв начал очень рано, ещё будучи в деревне. Во время гражданской войны несколько его стихотворений были напечатаны на листовках и сбрасывались с самолёта в окопы белых. В столичных журналах начал печататься с 1926 года. Первая книга стихов Щипачёва вышла в 1931 году. К настоящему времени вышло более 20 сборников. Лучшие из них: «Лирика» (1940), «Полдень» (1942), «Избранное» (1944), «Домик в Шушенском» (1945), «Строки любви» (1945).

В годы Великой Отечественной войны С. П. Щипачёв работал во фронтовой газете, затем в журнале «Красноармеец». Регулярно печатался в «Правде».

Награждён тремя орденами «Красная звезда» и тремя медалями.

ДОМИК В ШУШЕНСКОМ

1

Опять погода завернула круто.
Над Шушенским ни месяца, ни звёзд.
Из края в край метелями продута
Лежит Сибирь на много тысяч вёрст.

Ещё не в светлых комнатах испарта,
Где даты в памяти перебирай,
А только обозначенным на картах
Найдёшь далёкий Минусинский край.

Ещё пройдут десятилетия горя
До мокрого рассвета в октябре,
И пушки те, что будут на «Авроре»,
Железною рудой ещё лежат в горе.

Горит свеча, чуть-чуть колеблет тени,
Село до ставней вьюги замели,
Но здесь, где трудится, где мыслит Ленин.
Здесь, в Шушенском, проходит ось земли.

Уж за полночь, окно бело от снега,
А он всё пишет, строчки торопя.
Сквозь вьюги девятнадцатого века,
Двадцатый век, он разглядел тебя.

Он знает, видит, в чём России сила
И чем грядущее озарено.
Пускай ещё не высохли чернила,
Словам уже бессмертие дано.

Невзрачный домик затерялся в мире.
Но на стекло морозный лёг узор, —
И тут вся география Сибири —
От океана до Уральских гор.

Вот серебро равнин её широких,
Вот, в иглах весь, тайгу засыпал снег,
И различимы горные отроги,
И, как рога олени, русла рек.

И на столе белеют не страницы,
А тот же русский снеговой простор,
Где — все губернии... где он в таблицах
Учёл и тот однолошадный двор

С косым плетнем, засыпанным метелью,
Где позапрошлую неделю
Осталась без отца семья,
Где в эту ночь родился я.

Мать — хоть от горя ослабела —
Гадает о моей судьбе.
Промёрзла дверь, заиндевала,
И ходит ветер по избе.

В сенях, где страх теперь таится,
То скрипнет вдруг, то звякнет тишина,
Где вынута пешнёю половица,
Земля замёрзшая видна.

На эту половицу прадед
Ступал, наряженный к венцу,
А в чёрный день она в ограде
Постругана на гроб отцу.

Но всё — и горе — он учёл в таблицах.
Потрескивает на столе свеча.
Пусть ночь темна и непогода длится,
Он всю Россию видит в этот час.

Крутые переулочки Казани,
Библиотеки старые Москвы,
И Петербург — перед глазами.
В граните — серая вода Невы.

Звонки условные — и он в квартире.
Висят часы на выцветшей стене,
И ржавой цепью тянут время гири,
Секунды отбивая в тишине.

Глухи за Невскою заставой ночи.
Со следу сбив назойливых шпииков,
Он снова на кружке рабочем
Глядит в глаза учеников.

Пойдут на смерть — не предадут такие
На сердце горячо от этих глаз,
В них светится мечта твоя, Россия,
В них молодость твоя, рабочий класс.

2

Какое утро! Белизна какая!
И этой белизне подстать
Хребты Саянские сверкают,
Сегодня их и в Шушенском видать.

Снег на катке волнистый и горбатый.
В глазах рябит от белых снежных гряд.
И, пронеся хоругвями лопаты,
Ребята рядом с Лениным стоят,

Одним морозным воздухом с ним дышат,
Свои следы в его вплетают след,
Хоть, может, имя Ленина услышат
Они впервые через много лет.

Кто ж из мальчишек первым быть не хочет,
Когда, заиндевелый до бровей,
Он с ними, сам, как маленький, хохочет, —
И снег с лопат летит ещё живей.

Необозримая лежит Россия,
До края и ветра не долетят.
Пусть это шушенские, костромские —
Жизнь одинаковая у ребят.

И тут и там она, ещё слепая,
Уводит от отцовского крыльца.
Десятилетним мальчиком Чапаев
На побегушках в чайной у купца.

В Уржуме лёгкая летит пороша,
Видны леса — куда ни погляди.
Приютский мальчик Костриков Серёжа,
Что может знать он о своём пути?

В Тбилиси, где седыми башни стали.
Где из расщелин их трава растёт,
Двадцатилетним юношею Сталин
По переулкам глиняным идёт.

Он шляпу снял. Кавказ, высок и светел,
Сегодня весь открыт его глазам.
Там, на Казбеке, побывавший, ветер
Бежит по юношеским волосам.

Когда от духоты на сходке свечи
Тусклой горят и споры горячи,
В его спокойной и негромкой речи,
Как клятва, имя Ленина звучит.

И ни Сибирь, ни гор Кавказских гряды
Их не разделят — встретятся они,
Чтобы стоять в тысячелетях рядом.

Но медленны самодержавья дни,
Сибирской ссылки дни глухие.
Будённовские конники лихие,
Чапаевцы — ещё в пелёнках спят.
Их, как травинок в поле, — на Руси ребят.

Где в чащах заячьи петляют тропы,
Где солнце в космах снеговых встаёт,
В избе, уткнувшейся в уральские сугробы,
На свете мальчик первый день живёт.

Мать рядом спит.
Ей сон тревожный снится,
Ей не дойти до светлой правды той,

Что и в глухую эту ночь родиться
Не страшно даже сиротой.

Под окнами черствеет снег вчерашний.
Святые скорбно смотрят из угла.
За сына было б матери не страшно,
Когда бы знать про Ленина могла.

3

Всё те же, в той, где он бывал, квартире
Висят часы на выцветшей стене,
И ржавой цепью тянут время гири,
Секунды отбивая в тишине.

Неторопливо, в сроки поспевая,
На циферблате, заспанном на вид,
Идёт по кругу стрелка часовая,
И по орбите шар земной летит.

Легли седые позади дороги,
Ведя от детства, от плетней косых.
Годины войн и революций сроки
Секундами измерили часы.

И на холодном, быстром Енисее,
В ещё не очень обжитом краю,
Благоговейно в домике-музее
Я у стола рабочего стою.

Тут Ленин жил,
За этот стол садился,
Стоял, быть может, тут, где я стою.
Ещё я только что на свет родился,
А он уже решал судьбу мою.

Прошло вихрастое, босое детство, —
И после, в день великий Октября,
Не двор — страну я получил в наследство:
Поля и реки, горы и моря.
Я честь и славу своего народа,
Как сын, под красным знаменем принял.

Пилотку, полинявшую в походах,
Я с головы ещё за дверью снял.
На половицы бережно ступая,
По домику я тихо прохожу.
Стоит в нём тишина святая.
Я ею, как бессмертием, дышу.

Но эта тишина не для молитвы,
А для присяги — в этой тишине
Ещё слышнее грохот битвы...
Отсюда и сегодня видно мне:

Стена Кремля седого — рядом с нами,
Вперёд простёрта Сталина рука:
«Пусть осенит вас ленинское знамя...» —
И эхом вторят Сталину века.

22 ИЮНЯ 1941 г.

Казалось, было холодно цветам
И от росы они слегка поблёкли.
Зарю, что шла по травам и кустам,
Обшарили немецкие бинокли.

Цветок, в росинках весь, к цветку приник,
И пограничник протянул к ним руки,
А немцы, кончив кофе пить, в тот миг
Влезали в танки, закрывали люки.

Такою всё дышало тишиной,
Что вся земля ещё спала, казалось.
Кто знал, что между миром и войной
Всего каких-то пять минут осталось.

Я о другом не пел бы ни о чём,
А славил бы всю жизнь свою дорогу,
Когда б армейским скромным трубачом
Я эти пять минут трубил тревогу.

ЛЕЙТЕНАНТ

Лежит в кармане назначенье
Туда, где не смолкает бой.
Он дверь училища с волнением
Закрыв сегодня за собой.

Похрустывает портупея,
Заправленная под погон.
Довольный, но чуть-чуть робея,
В гвардейский полк приедет он.

Он должен быть отцом солдату,
Но, может статься, тот солдат
Давно женатый и усатый,
А он безус и не женат.

Не сладко, знает он, в пехоте:
И дождь сечёт, и зной палит,
И гимнастёрку на походе
Он солью тела просолит.

Но хоть он виду не покажет,
Ему приятно, например,
Подумать вдруг, что люди скажут:
«Прошёл пехотный офицер».

Он примет взвод, а может, роту,
Он не гостить приедет в полк:
Он с ним пройдёт огонь и воду,
Износит много пар сапог.

Где шёл в атаку, где был ранен
И города какие брал, —
Потом рассказывать он станет,
Уж поседевший генерал.

СОЛДАТ

Он там, на Эльбе, далеко от дома,
Дойдя до края самого войны,
Он в стольких битвах не оглох от грома,
А вот сейчас оглох от тишины.

Вот он стоит на смолкшем поле боя;
Поднявшись в полный рост, глядит кругом
На чёрный лес, на небо голубое
И пот со лба стирает рукавом.

Не раз и смерть глаза его видали,
Но он сумел и смерть столкнуть с пути.
Суровые солдатские медали
Блестят от солнца на его груди.

Ведь это он из Эльбы черпал воду,
Своим помятым котелком звеня.
И вспомнил он товарищей по взводу,
Что не дошли до праздничного дня,

И вспомнил он о Родине далёкой,
Не к ней ли уплывают облака?
Хоть ни в какие не видна бинокли
Земля родная, как она близка!

А там сейчас, как о любимом сыне,
Народ и Сталин думают о нём,
О нём, кто на плечах могучих вынес
Всю тяжесть битв, не дрогнув под огнём.

НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Россия ничего не забывает,
Всё помнит наша древняя земля.
Лишь век за веком ветер выдувает
Песчинки из зубчатых стен Кремля.

Тут каждый камень памятен и дорог,
Тут след времён минувших не исчез:
Есть под брусчаткою земля, которой
Ивана Грозного касался жезл.

Заря на маковках церквей лучилась,
Народ валил на площадь от застав.
Кровь Разина по капле здесь сочилась,
Солинками земли священной став.

Тут сонмами прошли в бессмертье предки.
И, чтоб настал счастливый этот день,
Тут Ленина, в простой рабочей кепке,
На камне отпечатывалась тень.

Когда вся площадь, флагами алая,
Кипела человеческой рекой,
Нам улыбался Сталин с мавзолея,
Шутил с Калининым, махал рукой.

Кто вас забудет, даты, даты, даты
Народных ликований и невзгод!
За кровь и слёзы жаждавший расплаты,
Тебя мы видим, сорок первый год.

Мы видим, чуть привстав над днём, над веком,
Как сталинские слушала слова
Запорошённая ноябрьским снегом
Прифронтовая, строгая Москва.

Мы и в беде и в радости — едины.
Шумит над головой победный шёлк,
И ветер славы трогает седины
И юношеский на губе пушок.

Сегодня вновь на мавзолее Сталин,
Соратники прославленные с ним.
Отсюда мы глядим в такие дали,
Что на земле видны лишь нам одним.

ЗЕМЛЯ С ВЫСОТЫ

Такое видишь и во сне не часто!
Во все глаза гляжу на белый свет.
Земля открылась километров на сто —
Огромной карты глиняный макет.
Плывёт над реденькими облаками
Спокойный четырёхмоторный гром.
Земля, возделанная нашими руками,
Нет-нет и покачнётся под крылом.
Давно мечтал я видеть эти дали,
Взглянуть на землю с этой высоты,

Не мелочи, не частные детали —
Увидеть главные её черты.
И вот дивлюсь — какой размах и смелости!
Такое с чем сравнишь по широте?
Но есть какая-то окаменелость
В величественной этой красоте.
И понял я, что землю молодую,
За много лет исхоженную мной,
Родную нашу землю обжитую
Люблю во всей подробности земной.

ПОТОМКАМ

Вас нет ещё: вы — воздух, глина, свет.
О вас, далёких, лишь гадать могли мы, —
Но перед вами нам держать ответ.
Потомки, вы от нас неотделимы.
Был труден бой. Казались нам не раз
Незащищёнными столетий дали.
Когда враги гранатой били в нас,
То и до вас осколки долетали.

*
* * *

Грозно грянула война,
Разлучила — не спросила.
У скольких любовь она
Первым ветром погасила,
В прах — красивые слова!
Но и так, конечно, было:
Ждало сердце год и два,
А на третий позабыло,
Позабыло боль и сны
А ведь был ещё за третьим
И четвёртый год войны.
Где любовь былую встретим?
Да, воистину светла
Та любовь (был срок не краток),
Что сквозь всю войну прошла
Гордой строгостью солдаток.

БЕРЕЗКА

Её к земле сгибает ливень
Почти нагую, а она
Рванётся, глянет молчаливо —
И дождь уймётся у окна.

И в непроглядный зимний вечер,
В победу веря наперёд,
Её буран берёт за плечи,
За руки белые берёт.

Но, тонкую её ломая,
Из силы выбьются... Она,
Видать, характером прямая,
Кому-то третьему верна.

ВИДИТ МЕСЯЦ

Как хорош на чёрной бурке
Красный пламень башлыка!..

Видит месяц в переулке
С девушкою казака.
Далеко́ молва летела,
Что в бою он дерзок, смел:
Шёл в атаку — знал, что делать,
Перед танком не робел.
А сейчас, хотя он в бурке,
В той, в которой воевал,
В мирном, тихом переулке
Он всю смелость растерял.
Вот в листве и месяц тонет.
Темнота. Они одни.
К тёплой девичьей ладони
Только руку протяни.
Рядом губы, рядом плечи,
А казак чего-то ждёт.
Ждёт... ведь это первый вечер —
Вместе, может, жизнь пройдёт.

ПО ДОРОГЕ В СОВХОЗ

Сады притихли. Туча
Идёт, темна, светла.
Двух путников дорога
Далёко увела.
Проходит мимо яблонь,
Смородины густой
С попутчицей случайной
Учитель молодой.
Не зная, кто такая,
Он полпути молчал
И тросточкой талбвой
По яблоням стучал.
Потом разговорились.
Но, подступив стеной,
Дождь зашумел по листьям
И хлынул — проливной.
Они под клён свернули.
Его листва густа,
Но падает сквозь листья
Тяжёлая вода.
Накрылись с головою
Они одним плащом,
И девушка прижалась
К его груди плечом...
Идёт в район машина.
Водителю смешно:
Стоят, накрывшись, двое,
А дождь прошёл давно.

ВЕТЕР

Я да соседка за стеной
Во всей квартире — только двое.
А ветер в поздний час ночной
То вдруг засвищет, то завоет.
Вот в комнате моей, вздохнув,
Он ищет в темноте опору,
Он ходит, двери распахнув,
По кухне и по коридору,
Он звонкую посуду бьёт

И створкой хлопает, задорен.
Соседка, слышу я, встаёт,
В испуге голос подаёт, —
И вот мы оба в коридоре.
И я не знаю (всё жильё
Насквозь пробрало сквозняками),
Как руки тёплые её
С моими встретились руками.
В продутой ветром темноте
Она легка, полуодета.
Где дверь на кухню? Створка где?
Стоим, не зажигая света.
А ветер, северный, седой,
Шумит, свистит в подвёздном мире,
И мы с соседкой молодой
В такую ночь — одни в квартире.

*
* *

Есть книга вечная любви.
Одни едва
В ней несколько страниц перелистали
Другие, всё забыв, её читали,
Слезами полили слова.

Её писали много тысяч лет.
В ней, может быть, и мы оставим след.
Влача любви счастливые вериги,
Познав блаженство, муку и тоску,
Я счастлив буду, если в этой книге
Прибавлю хоть одну строку.

*
* *

Пушай умру, пушай летят года,
Пушай я прахом стану навсегда

Полями девушка пойдёт босая.
Я вострепнусь, преодолевая тлен,
Горячей пылью ног её касаясь,
Ромашкою пропахших до колен.

ПРИМЕТА

В одной рубашке дрожь берёт.
Слышал, примета есть в народе:
Когда черёмуха цветёт,
Холодный ветер на свободе.
Пора домой. Но в ясный вечер
Нам хорошо сидеть одним.
О, эти худенькие плечи
Под синим пиджаком моим!
Поди, и звёзды понимают,
Что нас обоих дрожь берёт,
Но так всегда бывает в мае,
Когда черёмуха цветёт.

СВЕТ ЗВЕЗДЫ

Вечерний свет звезды
Мерцает в вышине.
Задумались сады,
И стало грустно мне.

Он здесь, в моём окне,
Звезды далёкой свет,
Но он бежал ко мне
Сто сорок тысяч лет.

А вам езды-то час,
И долго ли собраться,
А нет, чтоб догадаться
Приехать вот сейчас.

*
* *

Что листья падают, что ночь светла,
Запомню и вовек не пожалею
О том, что нас далёко завела
Кленовая сентябрьская аллея.

Сидим одни, обнявшись, под луной,
Но всё длинней косые тени клёнов.

Луна спешит: на целый шар земной
Она одна, одна на всех влюблённых.

У МОРЯ

Знаю я, как волны с камнем спорят.
Меж сырых голубоватых скал
Повстречал я девушку у моря.
— Хорошо здесь! — только и сказал.

Долго мы на берегу стояли.
Под вечер она опять пришла.
Круглобокий колыхался ялик,
На песке лежало три весла.

И легко нам было в разговоре,
Слов особенных я не искал.
Смуглые, забрызганные морем
Маленькие руки целовал.

И сегодня — нет её милее,
Так же всё ладонь её тепла.
Пусть твердят, что и моря мелеют,
Я не верю, чтоб любовь прошла.

*
* *
*

До утреннего первого луча
К тебе, на Невку, я спешил с вокзала.
Уже три раза в дверь я постучал.
Мне страшной тишина казалась.
Но вот слышались твои шаги.
В неповторимый час рассвета
Как были те шаги легки!
Ты дверь открыла мне полуодета.
Доверчивая бросилась ко мне,
Прильнула всею теплотою тела.
Стояла летняя заря в окне,
На скромный твой уют глядела,
Она с деревьев, с крыш текла

На полку с книгами, на одеяло,
И ты похожа на неё была,
Красивая, счастливая стояла.

ТЕБЕ

Две липы у окна.
Они родились вместе
Под тёплым ветерком,
И подымались вместе,
И старятся рядком.
И счастливы они.
Но разве знают липы,
Как счастьем дорожить?
Скажи: ну как могли бы
Мы друг без друга жить?!
И в прошлое порой
Мне страшно оглянуться:
Росла ты далеко —
И в жизни так легко
Могли мы разминуться.

ТЕБЕ ИЗДАЛЕКА

Спит снеговой Тянь-Шань.
Бледнеет звёздный свет.
В краю Небесных Гор
Легко встречать рассвет.

Поди, в Москве сейчас
Ты у окна сидишь.
Не зажигая света,
На звёздный ковш глядишь.

Он — ручкою к Арбату —
У самого окна.
Зачерпнутое небо
Прозрачно в нём до дна.

И я гляжу в окно,
В предутреннюю рань:
Вон — покати́лся ковш
За снеговой Тянь-Шань.

*
* * *

Мне бросились в глаза две ясные звезды.
Их свет струится на дома и на сады.

Дружней не вижу звёзд, чем эти две, — взгляни,
Как бы в одну звезду сливаются они.

И я пою — я сам семейный человек —
Их близость нежную, согласие навек.

*
* * *

Поезд в полночь уходил на фронт.
Нежных слов ты мне не досказала.
Вспомнишь ли сегодня тот перрон
Затемнённого вокзала?

Я, обняв тебя, глядел в глаза.
Новые ремни на мне скрипели.
Да, друг другу многого сказать
За двенадцать лет мы не успели.

*
* * *

Весенний дождь хлестал кусты,
И над землянкой ветер злился.
Мне этой ночью снилась ты,
И городок далёкий снился.

В какой бы ни был стороне,
Какой бы ни свистел мне ветер, —
Не надо больше счастья мне,
Чем то, что ты живёшь на свете.

*
* * *

Люблю тебя и потому, наверно,
Не перед девушкой — перед женой,
За что б ни взялся, хочется быть первым,
Чтоб ты могла гордиться мной.

Не знаю, под счастливой ли звездой
В глуши завьюженной родился я,
Но если я чего-нибудь да стою,
Причиной — ты, любовь моя!

*
* * *

Своей любви перебирая даты,
Я не могу представить одного,
Что ты чужою мне была когда-то
И о тебе не знал я ничего.

Какие бы ни миновали сроки
И сколько б я ни исходил земли,
Мне вновь и вновь благословлять дороги,
Что нас с тобою к встрече привели.

*
* * *

Тебе исполнилось сегодня тридцать восемь.
И, может быть, хоть с виду весела,
Ты с грустью думаешь: подходит осень,
А там — зима, белым-бела.

А может, и не думаешь про это:
Немало всяких у тебя забот.
Дай бог тебе большое бабье лето
И осень ясную, когда она придёт.

*
* * *

Пусть пристально глядят мужчины
И судят как хотят — пускай,
Ты не считай своих морщинок
И лет себе не убавляй.

Бывают женщины похожи
На чуть привядшие цветы,
Ещё милее мне, дороже,
Ещё желанней стала ты.

*
* * *

Ты — всё в моей слепой судьбе,
И счастье и беда.
Я в жизни мог солгать тебе,
А в песне никогда.

О, если б, как в своё окно,
Взглянуть в судьбу хоть раз!
Нам знать с тобою не дано,
Чей ближе смертный час.

Я одного желаю вновь,
Сильней день ото дня,
Желаю, чтоб твоя любовь
Пережила меня.

*
* * *

Как хочешь это назови:
Друг другу стали мы дороже.
Заботливей, нежней в любви,
Но почему я так тревожен?
Стал придавать значение снам,
Порой задумаюсь, мрачней..
Уж видно, чем любовь сильнее,
Тем за неё страшнее нам.

*
* *
*

Ты со мной — и каждый миг мне дорог.
Может, впереди у нас года,
Но придёт разлука, за которой
Не бывает встречи никогда.

Только звёзды в чей-то час свиданья
Будут так же лить свой тихий свет.
Где тогда в холодном мирозданьи,
Милый друг, я отыщу твой след?

*
* *

Любовью дорожить умеете,
С годами — дорожить вдвойне.
Любовь — не вздохи на скамейке
И не прогулки при луне.

И слякоть будет и пороша —
Ведь вместе надо жизнь прожить.
Любовь с хорошей песней схожа,
А песню нелегко сложить.

*
* *

Мы все мечтаем о любви большой,
Чтоб каждый миг, когда вдвоём, был дорог, —
И вдруг сойдёшься с женщиной, с которой
За год, за два состаришься душой.

Блажен, когда такую ты найдёшь,
С которой, сединою убеждённый,
До старости до самой доживёшь,
До грани дней, как юноша влюблённый.

*
* *

Д. Е.

Мне глаза твои забыть едва ли.
У евреек, кто-то мне сказал,
Может, только в древности бывали

Серые, как у тебя, глаза.
Их не затуманить и слезами,
Светлое лицо подымешь ты, —
И не отрывался бы часами
От твоей библейской красоты.
Долгою дорогою земною
Я пошёл бы смело за тобой,
Если б не вставал передо мною
Тонкий профиль женщины другой,
Если бы и до сих пор не бредил
Той, которую в счастливый час
Я когда-то в молодости встретил...
Не затем, чтоб разлюбить сейчас.

ОДИНОКАЯ

Уж синевою тень легла
У глаз твоих сухих и строгих.
Ты, знаю, замужем была
И после целовала многих,
А сердцу нечем дорожить,
Любовью некому ответить.
Как страшно — до седин дожить,
Не повстречав того на свете,
Кто мог бы стать твоей судьбой,
Чтоб в сердце ты не знала стужи...
И он, не встретившись с тобой.
Быть может, так же где-то тужит.

*
* *
*

Ты порой целуешь ту, порою — эту
В папиросном голубом дыму.
Может быть, в упрёках толку нету,
Да и не к лицу мораль поэту,
Только страшно стариться тому,
Кто любовь, как мелкую монету,
Раздавал, не зная сам, кому.

Мне с каждым годом всё ясней,
Какая в жизни у меня зарука.
Любовь и песня, вам в груди моей.
Я знаю, трудно было б друг без друга.
За все ошибки и грехи,
Не доведись поэту в наказание,
Как многим, пережить свои стихи,
В любви изведать разочарованье.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Тут нужного и не подыщешь слова.
Склонилась мать, от радости светла:
Впервые сын её белоголовый
Прошёл один от стула до стола.

Он вырастет, подымет два крыла,
Но трасса кругосветного полёта,
Быть может, легче будет для пилота,
Чем этот путь — от стула до стола.

ТО ПРИСНИЛОСЬ...

Годы, годы... пролетая,
Не воротятся назад.
Но цветёт, не увядая,
Вечный молодости сад.

Смех и шопот до рассвета
Там у каждого куста,
Там девчонкам-непоседам
По шестнадцать лет всегда.

Повита плющом ограда,
Все дорожки там в цвету...
То приснилось, что когда-то
Хаживал я в том саду.

КАЛЕНДАРЬ

Скамейка почернела
От времени в саду.
Давно ль пылила вьюга —
Вновь яблони в цвету.
И не замедлит время,
Опять подует снег.
Спыхватишься — седеешь,
Намного убыл век,
А всё торопишь время,
Как будто на пути
Оно мешает в жизни
До главного дойти.
Жалеешь, что не третье,
А первое число,
Что сад не цветом яблонь,
А снегом занесло.

ВЕСЕННЕЕ

В заморозки выстояв ночами,
Апрель под небом голубым
Грянул синими ручьями
И промчался по крутым
Ровчакам, размытым где-то.
Только — ночь глядит в пруды.
Только — след, ведущий в лето.
Только — смех да капли с вёсел,
Да звезда в воде дрожит...
Только жаль — всё меньше вёсен
Остаётся мне прожить.

СЕДИНА

Рукою волосы поправлю,
Иду, как прежде, молодой.
Но девушки, которым нравлюсь,
Меня давно зовут: «Седой».
Да и друзья, что помоложе,

Признаться, надоели мне:
Иной руки пожать не может,
Чтоб не сказать о седине.
Ну, что ж, мы были в жарком деле,
Пройдут года — заговорят,
Как мы под тридцать лет седали
И не старели — в шестьдесят.

ДВЕ ДАТЫ

Я знаю — смерть придёт, не разминуться с ней,
Две даты наберут под карточкой моей,

И краткое тире, что их соединит,
В какой-то миллиметр всю жизнь мою вместит.

Что ж, если ты мне друг, у гроба повтори,
Что, мол, ни в чём длиннот не выносил старик.

МИЧУРИН

Пригнула ветки вишен
Тяжёлая роса.
Больной, ругая старость,
Мичурин входит в сад.
Черешни и рябина,
Смыкая листьев круг,
Касаются ветвями
Его хозяйских рук.
И он шагает — снова
Как будто молодой,
Он к яблоне подходит,
К «китайке золотой».
...В саду порошей белой
Июнь пылил в лицо.
Из семечка-гибрида
Пробилось деревцо.
Оно росло, мужало,
Цвело, роняло цвет

И яблонею стало,
Которой — сорок лет,
Которая в народе
Прославилась давно.
Её родней полмира
Уже заселено...
Он в руки взял природу,
Запальчивый, живой.
Сады на всех широтах
О нём шумят листвою.
Но не успел одну он
Осуществить мечту:
Он яблоко на старости
Хотел взрастить в саду,
В котором удалось бы
Открыть такой секрет,
Чтоб, яблока отведав,
Прожить ещё сто лет.

*
* *
*

Мне кажется порой, что я
Вот так и буду жить и жить на свете!
Как тронет смерть, когда кругом — друзья!
Когда трава, и облака, и ветер —
Всё до пылинки — это жизнь моя.

*
* *
*

Начало пятого, а мне не спится.
Мутнеет вьюга, ночь летит в рассвет.
Земля, как заведённая, вертится...
Пройдёт и сто, и десять тысяч лет,
И дальний век (мы и о нём мечтали)
Всё так же станет вьюгами трубить.
В той, даже мыслям недоступной дали
Хотел бы я хотя б снежинкой быть.
Чтоб, над землею с ветром пролетая,

На жизнь тогдашнюю хоть раз взглянуть,
Пушиною над тополем порхнуть
И у ребёнка на щеке растаять.

СОЛНЦЕ

Открыл окно. Вдруг что-то ослепило...
От стёклышка мне глаз не отвести.
Его втоптали в глину каблуками,
Но луч коснулся — и оно блестит,
Не стёклышко, а солнце под ногами.

Я знаю, солнце тем и велико,
Что свет его на всём: вон заблестела
Жестянка в мусоре, сверкнула медь —
Всё, всё, что только может заблестеть,
Оно старается с собою равным сделать.

СОЛОВЕЙ

М. Петровых

Где березняк рябой и редкий,
Где тает дымка лозняка,
Он, серенький, сидит на ветке
И держит в клюве червяка.
Но это он, простой, невзрачный,
Озябший ночью от росы,
Заворожит посёлок дачный
У пригородной полосы.

ПОДСОЛНУХ

Подсолнуху от ливня
Не скрыться никуда —
В грязи увязли ноги,
Меж грядками вода.

Веснушчатый и рыжий,
Стоит он в картузе.
Зачем сбежит он с грядки,
Когда он рад грозе?

В ТРОЛЛЕЙБУСЕ

Идёт троллейбус возле клёнов.
Льёт дождь, шумит вода везде.
К стеклу прилип листок зелёный.
Деревья топчутся в воде.

Прямой, прохожих не щадя,
Дождь припустил ещё сильнее.
Всё в каплях светлого дождя
Стекло троллейбуса синее.

И можно ль не принять участия
И ливня не желать земле!
На город, как сквозь слёзы счастья,
Гляжу сквозь капли на стекле.

О СЕБЕ

В студёных брызгах весь,
Сверкает умывальник белизною.
Приятна солнца утренняя весть
И полотенце свежестью льняною.

Не так уж плох наш коммунальный дом,
Когда войдёшь с мороза, с лютой вьюги.
Жильё и вещи созданы трудом —
И для меня тут постарались люди.

Они работали и для меня, —
Когда хлеб сеяли, тесали камни,
И всё на мне — до пряжки у ремня —
Внимательными сделано руками.

И потому, когда ищу строку,
А город бьётся в камне и железе,
Я о себе не думать не могу:
Что сделал я? Чем людям я полезен?

ЗЕРНО

В гробнице найдено зерно
Сухой египетской пшеницы.
Тысячелетия оно
Лежало в каменной гробнице.
На солнце вынесли его
И в землю бросили. И вот
Поднялся колос золотой,
Зерном тяжёлым налитой.

Нас время судит без уловок.
Что будет через сотню лет,
Когда отыщут наше слово
И так же вынесут на свет?

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Домик в Шушенском	3
22 июня 1941 г.	8
Лейтенант	9
Солдат	9
На Красной площади	10
Земля с высоты	11
Потомкам	12
Грозно грянула война	12
Берёзка	13
Видит месяц	13
По дороге в совхоз	14
Ветер	14
Есть книга вечная любви	15
Пускай умру, пускай летят года	15
Примета	16
Свет звезды	16
Что листья падают, что ночь светла	16
У моря	17
До утреннего первого луча	17
Тебе	18
Тебе издалека	18
Мне бросились в глаза две ясные звезды	19
Поезд в полночь уходил на фронт	19
Весенний дождь хлестал кусты	19
Люблю тебя и потому, наверно	20
Своей любви перебирая даты	20
Тебе исполнилось сегодня тридцать восемь	20
Пусть пристально глядят мужчины	21
Ты — всё в моей слепой судьбе	21
Как хочешь это назови	21
Ты со мной — и каждый миг мне дорог	22

Любовью дорожить умеете	22
Мы все мечтаем о любви большой	22
Д. Е.	22
Одинокaя	23
Ты порой целуешь ту, порою — эту	23
Мне с каждым годом всё ясней	24
Первые шаги	24
То приснилось	24
Календарь	25
Весеннее	25
Седина	25
Две даты	26
Мичурин	26
Мне кажется порой...	27
Начало пятого, а мне не спится	27
Солнце	28
Соловей	28
Подсолнух	28
В троллейбусе	29
О себе	29
Зерно	30

Отв. редактор А. СУРКОВ.

А 04434 Подписано к печати 20-IV-1946 г. Заказ № 440.

Тираж 100.000

Типогр. газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Прав ды», 24.

Цена 40 коп.